

(стр. 125): нам представляется сближение этих двух слов вторичным, первоначально же к духовному миру человека относилось только *баламўтити* 'смущать, вносить смуту (словами, речью)', а *каламўтити* в своем первом компоненте содержит основу *кал-* и его первичное значение 'мутить воду'.

Некоторые частные замечания вызывает этимологизация, которая носит в словаре по-прежнему подчиненный характер. Русск. *бахмўр* нельзя объяснять из первоначального сочетания с *ра-*, которое потом было якобы ассимилировано подобно тому, как это имело место в болг. *баберки* < *наберки* (см. стр. 61). Возведение чеш. *obetknouti* 'набить, напихать', польск. *obetkać* то же к **bьt-* в отличие от *obetkati*, *obetkać* 'umweben, umwirken' < **tьkati* (стр. 74) представляется по меньшей мере искусственным.

Помимо традиционной праславянской транскрипции (**botěнь, bogatъ*), авторы прибегают также к менее распространенной в литературе записи, например праслав. **bagnā, *bagūnā* вместо **bag(ъ)no*; **ākūnā* вместо **okъno* (стр. 112), что рождает разнбой, не говоря о более серьезных возражениях. Так, символ *й* (вместо *ь*) в тех случаях, когда мы говорим о собственно праславянском периоде, следует признать устаревшим и неверным знаком. Встречающиеся в словаре высказывания об аблауте *a : u* в славянском могут показаться сомнительными в столь кратком изложении. Речь идет большей частью об ономастопеях *bat-|but-, bax-|bux-*. Фактических ошибок и опечаток в данном выпуске мало, ср. *Bankonyer Wald* (дважды — на стр. 113 и 114), нужно: *Bakoncyer Wald* 'Баконьский лес' (в Венгрии). В остальном несогласие с концепцией словаря не мешает нам признать тщательность его подготовки и культуру обработки материала.

О. Н. Трубачев

**«Słownik starożytności słowiańskich»,
pod red. W. Kowalenki, G. Labudy,
T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część 2 (C—E).
Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 217—481;
t. II, część 1 (F—H), 1964, 235 стр.**

Продолжается публикация «Энциклопедического очерка культуры славян с древнейших времен до конца XII в.» (как гласит подзаголовок этого словаря), первую часть которого мы кратко охарактеризовали с точки зрения лингвиста и этимолога в томе «Этимологии» за 1963 г. Помещенное в предыдущей рецензии общее описание принципов и рамок этого труда, осуществляемого целиком силами польских ученых, освобождает нас от необходимости прибегать здесь к общей оценке. К тому же это исключается и комплексным характером данного «Словаря славянских древностей», охватывающего разнообразнейшие области истории и доистории, культуры и искусства славян.

Настоящую краткую рецензию, которая, как и предыдущая, посвящена исключительно отражению вопросов языкознания и этимологии во вновь вышедших частях «Словаря», начнем с констатации отрадного факта, что различные лингвистические дисциплины занимают в этом коллективном труде почетное место. Это явствует из целого ряда данных. «Словарь славянских древностей» очень полно отражает известные славянские личные собственные, этнические, местные, водные, мифологические названия и может поэтому играть роль исторического справочника по славянской антропонимии, этнонимии, топонимии и гидронимии. Далее, «Словарь» включает ряд довольно обстоятельных статей по языковым связям и контактам славянских народов с кельтами, финно-уграми, греками, по заимствованным элементам в славянских языках; эти статьи принадлежат перу виднейших польских языковедов (Курилович, Лер-Сплавинский, Славский), отражают важнейшую про-

блематику в данных областях современного лингвистического славяноведения и снабжены хорошей библиографией. Наконец, помимо славянской исторической ономастики и внешней истории славянских языков, в «Словаре» весьма широко представлена славянская этимология, главным образом — в качестве элемента статей на уже названные выше темы. Роль этих элементов этимологии или аргументов этимологического характера в статьях рецензируемых здесь второй части I тома и первой части II тома «Словаря» довольно велика и ответственна. Сознание важности этимологических доводов характерно также и для авторов-нелингвистов. Так, например, известный познанский историк-медиевист Г. Лябуда, говоря об этническом названии *Gudowie*, специально указывает на зависимость решения вопроса об этническом содержании термина от его этимологии (т. II, стр. 178). Но хорошее качество этимологических справок в данном «Словаре», естественно, объясняется тем, что их авторами являются опытные специалисты-языковеды. Обычная в связи с наличием этимологических комментариев структура статей «Словаря»: 1) сведения по истории и этимологии слова или собственного имени (автор — лингвист); 2) историческая часть статьи (автор — историк). Эта удобная и четкая структура синтетической статьи соблюдается на всем протяжении известной нам части «Словаря», поэтому, кстати, редкие случаи отсутствия лингвистического комментария сразу бросаются в глаза. Например, при статье *Gacka, Gacko polje* (т. II, стр. 77—78) была бы желательна более подробная этимологическая справка об этом важном южнославянском названии реки и местности в северной Хорватии. Почти каждой статье об историческом личном собственном имени, топониме и т. п. предшествует этимология как первая часть соответствующей статьи. На это обстоятельство хотелось бы обратить специальное внимание, поскольку после выхода в свет всего «Словаря» мы получим в руки своего рода историко-этимологический словарь избранной славянской ономастики, важность которого трудно переоценить.

Синтетический лингвистико-исторический характер таких словарных статей, при котором суждения об этимологии слова иногда высказываются независимо разными авторами и в первой и во второй части статьи или же — в разных статьях на близкую тему, порождает иногда противоречия. — статью *Czech* (Урбанчик) и *Czesi* (Лер-Сплавинский), которые, повторяя одна другую в деталях, расходятся по некоторым вопросам происхождения названия чешского народа (т. I, стр. 285, 303); в статье *Głomacz* (автор — Налена) говорится о праформе **golm-* (т. II, стр. 111); рядом, в статье *Głomacze* фактически то же название производится из праслав. **glum-* 'шутка' (Лер-Сплавинский). С другой стороны, необходимость синтетического исследования и в целом — необходимость словаря такого типа прекрасно демонстрируют статьи вроде «Днепровских порогов» с лингвистической частью Куриловича (т. I, стр. 349).

Отдельные этимологии вызывают возражения. Название реки Дон характеризуется как слово дакского или сарматского происхождения (т. I, стр. 372, Лер-Сплавинский), между тем как это, бесспорно, сарматское (древнеосетинское) слово с закономерным звукоизменением *don* < ир. *dānu-*. О дакском происхождении здесь не может быть речи, в отличие от случаев *Днепр, Днестр*, где происхождение из дакского (или менее точно — фракийского), как стоит в «Словаре» возможно. Центральноевропейские названия Дуная лат. *Danubis* (из кельтского), герм. **Dōnawj-* нельзя произвести из и.-е. **dheu-*, вопреки Лер-Сплавинскому (т. I, стр. 404). Несколько крупных неточностей можно отметить в статье Ч. Кудзиновского о финско-славянских языковых связях (т. II, стр. 58—60), где на одну доску ставятся в качестве следов индоевропейских влияний фин. *sata*, венг. *száz* 'сто' и фин. *vesi*, венг. *víz* 'вода', тогда как если название сотни действительно заимствовано финно-уграми из иранского, то название воды в финно-угорских языках едва ли может быть однозначно истолковано как индоевропейское заимствование. В той же статье замечена грубая опечатка: *allemańskie (!) veteen*; речь идет об иллативе фин. *veteen* 'в воду'. Частные замечания могут быть адресованы и авторам других статей. Мы приведем здесь еще одно из них, тем более что

оно относится к области комплексной, историко-лингвистической проблематики и может быть использовано в наблюдениях над внешней динамикой этногенеза. Г. Лябуда в статье «Chorwacja Biała, czyli Wielka» (т. I, стр. 255) высказывает мнение, что эпитет *Великий*, *Великая* в названии стран чаще всего обозначает старую, прежнюю область обитания народа. Справедливо как раз обратное: *Великий*, *Великая* обычно употребляется для обозначения вторично заселенных областей для отличия от названия метрополии, которая (в отдельных случаях) уже после этого приобретает под давлением возникшего парного противопоставления эпитет *Малый*, *Малая*. Так объясняются названия *Великая Греция* — колонии на юге Италии и в Сицилии, *Великая Русь*, *Великороссия* — земли к северу и северо-востоку от собственной Руси (позднее получившей название *Малая Россия*, *Малороссия*), *Великопольша* — территории в основном к западу от среднего течения Вислы.

О. Н. Трубачев

G. V. Schulz. Studien zum Wortschatz
der russischen Zimmerleute und Bautischler.
Berlin—Wiesbaden, 1964
(=«Slavistische Veröffentlichungen», Bd 30),
XVIII + 229 стр.

Книга представляет собой диссертацию, автор которой — ученик Фасмера. Г. В. Шульц подготовил свое исследование на основе большого материала, о чем говорит предпосылаемая диссертации обширная библиография. Вместе с тем автор отдает себе отчет — и, очевидно, не без основания — в предварительном характере данной своей публикации (стр. 2). Это объясняется скорее недостаточной разработанностью данной области в науке. С Шульцем можно вполне согласиться, когда он говорит, что исследование языка ремесленников, как и в целом — исследование русской профессиональной и сословной терминологии — до настоящего времени не пользовалось должным вниманием ни в семасиологии, ни в этимологии (стр. 1).

Автор имеет правильное представление о своем сложном предмете, поэтому и общие его оценки (касающиеся вопросов не только языка, но и культуры), и собранные им материалы бесспорно вызывают серьезный интерес. Говоря о древнем характере плотничного дела у русских, а также о том, что у славян первоначально строительство и архитектура почти тождественны плотничному ремеслу, Шульц делает логичный вывод о важности плотничьей лексики для народного языка именно у русских.

Помимо основной, лингвистической части, книга Г. В. Шульца о терминологии русских плотников содержит также очерк истории русского плотничества, о котором мы не можем говорить подробно в данной лингвистической аннотации. Автору, во всяком случае, известны некоторые важнейшие реально-семантические связи в старой славянской производственной лексике. Так, он специально указывает на происхождение русского термина *плотник* от лексики плетения, что находит объяснение в древней технике (стр. 22).

Анализ плотничьей терминологии в русском языке естественно распадается на анализ старых, славянских ее элементов, которые характеризуются автором довольно бегло, и анализ заимствований относительно недавнего времени, среди которых преобладают разнообразнейшие факты влияния немецкого языка, несущие в ряде случаев следы польского посредства.

Большую часть работы (стр. 39—217) занимает раздел «Лексика (с объяснениями и попытками этимологизации) в алфавитном порядке» — своего рода этимологический словарь русской плотничьей терминологии. Этот раздел должен был заинтересовать нас больше всего. Автор говорит, что в отдельных случаях он предлагал новые этимологии слов (стр. 4). Но в огромном большинстве случаев он оставался верен точке зрения своего учителя. Зна-